

ДОКЛАДЫ И ЛЕКЦИИ*

Майкл Дж. Лакс

МЕТАФИЗИКА В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Майкл Дж. Лакс – Шустеровский почетный профессор. Университет Нотр-Дам / University of Notre Dame. 100 Malloy Hall, Notre Dame, IN 46556, U.S.A.; e-mail: philosjournal@iph.ras.ru

В докладе излагается история аналитической философской традиции через призму ее отношения к метафизическим проблемам. Показано, что само возникновение этой традиции явилось реакцией на метафизику британского абсолютного идеализма. Но уже на раннем этапе аналитической философии – в логическом атомизме и позитивизме, который отличался враждебным отношением к любой метафизике, – были выявлены неразрешимые внутренние теоретические противоречия, и попытки разрешить эти противоречия без обращения к метафизике оказались безуспешными. Следующий этап развития аналитической мысли в философии обыденного языка отличался более терпимым, но все еще не вполне заинтересованным отношением к метафизическим построениям. Далее на смену предыдущим этапам пришли новые направления: метафизический натурализм У.В.О. Куайна и дескриптивная метафизика П.Ф. Стросона. Настоящий расцвет аналитической метафизики и смещение ее центра из Европы в Америку произошел благодаря работам Р. Чизолма. С тех пор основная философская полемика вращается вокруг противостояния двух метафизических подходов – редукционистского и нередукционистского. Наконец, благодаря успешному внедрению и повсеместному применению лейбницевской схемы возможных миров, в аналитической философии наступает «золотой век» метафизики.

Ключевые слова: аналитическая философия, метафизика, логический атомизм, философия обыденного языка, редукционизм, возможные миры

В названии этой лекции есть два термина, которые нужно сразу же пояснить. Под «аналитической традицией» я имею в виду в основном англо-американское направление в философии, которое зародилось в начале двадцатого века в работах таких мыслителей, как Джордж Эдвард Мур и Бертран Рассел, и которое продолжается и по сей день; это течение отличается особым стилем философствования, где центральное значение придается логике и философии языка, методологической ясности, а также другим видам философского анализа. Под «метафизикой» я подразумеваю ту часть философии, которая

* Доклады были прочитаны 30 июня 2014 г. в Институте философии РАН на российско-американском «Семинаре-практикуме по аналитической философии». Организатором научного семинара был старший научный сотрудник Института философии Кирилл Карпов, с американской стороны в его работе принимали участие, помимо Майкла Лакса, профессора Элеонор Станп (Сент-Луисский университет), Ханс Халворсон (Принстонский университет) и Майкл Рота (Университет Св. Фомы).

посвящена наиболее общим вопросам о природе реальности и в которой особое внимание уделяется самым общим категориям, их свойствам и отношениям между ними.

Нередко считается, что эти два термина («аналитическая философия» и «метафизика») несовместимы, что главной отличительной чертой, присущей всем этапам аналитической традиции, является враждебность к метафизике. Но так думают только те философы, которые находятся за пределами аналитической традиции. Конечно же, в истории аналитической философии были периоды, отличавшиеся явным или неявным антиметафизическим настроением, но они были непродолжительными и нехарактерными для традиции в целом. Более того, самое раннее четко выделяемое самостоятельное аналитическое движение в философии имело явную метафизическую ориентированность; метафизика процветает и в наши дни, на другом конце истории аналитической философии. Более того, можно даже утверждать, что сегодня именно метафизика является центральной дисциплиной аналитической философии и что даже имевшие место нападки на метафизику, как ни странно, коренились и проявлялись в тех предпосылках, которые сами были глубоко метафизическими.

I

Дело в том, что на самом раннем этапе аналитическая философия представляла собой реакцию на определенный стиль в метафизике и на конкретные метафизические доктрины, которые господствовали в британской философии в конце XIX – начале XX в. в работах таких философов, как Ф.Г. Брэдли, Дж.Э. Мак-Таггарт и Б. Бозанкет. Эти мыслители находились под сильным влиянием трудов Гегеля. Они были идеалистами. Они полагали, что наша обыденная картина мира, основанная на здравом смысле, ошибочна, что она искажает подлинную реальность. В обыденном представлении мир состоит из множества различных и отдельных материальных субстанций, существующих в пространстве и времени, но идеалисты полагали, что каждый элемент этой картины неверен. Во-первых, они отвергали ту множественность, которая присуща обыденной картине мира. Они утверждали, что, в конечном счете, единственное, что самостоятельно существует, – это Абсолют, который связан системой внутренних отношений. Во-вторых, они отрицали существование каких-либо материальных объектов, а заодно и пространственную природу реальности. Далее, они полагали, что этот единый всеобъемлющий Абсолют обладает лишь ментальной природой или сущностью. И, наконец, они отвергали существование времени и изменений. Все эти крайне спекулятивные заявления излагались ими в той манере, которой не свойственна философская ясность. Их язык был цветистым, вместо аргументации они прибегали к риторике, их работы пестрели метафорами и аналогиями.

И вот, в самом начале XX в. на сцене появляется новое поколение философов, связанных с Кембриджским университетом, которые обрушились с критикой и на стиль, и на содержание работ этих идеалистов. Следует особо выделить трех человек: поначалу во главе наступления были Дж.Э. Мур и Бертран Рассел, позднее к ним присоединился ученик Рассела австриец Людвиг Витгенштейн. Рассел и Витгенштейн разработали прочную метафизическую альтернативу идеализму. Критика Мура не была столь отчетливо привязана к какой-либо метафизической системе, но она также стала важным этапом в аналитической философии.

Мур был защитником здравого смысла. Он предъявил обезоруживающие аргументы против идеализма. Один из известных аргументов против утверждения о том, что материальные объекты не существуют, выглядит так: «Вы говорите, что материальных объектов нет. Но вот моя правая рука. Она – материальный объект, поэтому ваши заявления ошибочны». Можно и дальше продолжить рассуждения Мура: «Вы утверждаете, что есть только одна вещь. Но вот моя левая рука – еще один объект. Так что теперь есть уже две вещи, а потому вы заблуждаетесь». Вдобавок, он бы сказал: «Вы полагаете, что пространства не существует. Но моя левая рука находится слева от правой руки. Значит, вы снова ошибаетесь». Нетрудно придумать аналогичные аргументы в пользу существования времени и изменений.

В то время как Мур критиковал идеалистов с позиций здравого смысла, Рассел (а впоследствии и Витгенштейн), как уже упоминалось, предложил свою метафизическую схему взамен абсолютного идеализма Брэдли, МакТаггарта и Бозанкета. Метафизическая система Рассела получила название «логический атомизм». Она была основана на его работах в области логики, а точнее, на той логической системе, которую Рассел разработал совместно с Уайтхедом. Эта система была экстенсией. В ней постулировалась множественность атомарных пропозиций, каждая из которых имеет истинностное значение, не зависящее от истинностных значений всех остальных атомарных пропозиций. Эти пропозиции объединяются истинностно-функционально посредством таких связок, как «не», «и», «или», «если...то», «если и только если». Другими словами, с помощью этих связок атомарные пропозиции превращаются в молекулярные пропозиции, чье истинностное значение полностью зависит от истинностных значений их атомарных составляющих. Итак, логические атомисты (Рассел в его «Лекциях по логическому атомизму» и Витгенштейн в «Логико-философском трактате») в качестве модели совершенного логического языка взяли экстенсией структуру языка, описанную Расселом и Уайтхедом в «Principia Mathematica». Они утверждали, что наше понимание применимости теоретических терминов «истина» и «ложь» связано с тем, соответствуют ли пропозиции внеязыковым фактам. Говоря об этом, они рассуждали о «фактах» со всей метафизической серьезностью. Они полагали, что сам мир состоит из метафизически независимых атомарных фактов и что эти факты являются детерминантами истины для истинных атомарных пропозиций логически совершенного языка. Вдобавок, они считали, что эти атомарные факты объединяются в молекулярные факты и что эти молекулярные факты также будут детерминантами истины для истинных молекулярных пропозиций.

Итак, устройство мира повторяет по своей структуре устройство логически совершенного языка. Как утверждал Витгенштейн, мир – это «совокупность фактов», то есть это один всеобъемлющий факт, состоящий из более простых фактов. Мы имеем дело с множественностью метафизических атомов – атомарных фактов; Рассел полагал, что эти атомы бывают двух видов: с одной стороны, монадические факты, состоящие из свойств, приписываемых единичным вещам, и, с другой стороны, диадические, триадические и в целом n -адические факты, состоящие из единичных вещей, находящихся в диадических, триадических и в целом в n -адических отношениях.

Таким образом, у нас получилась структура для онтологической теории, но еще не сама онтологическая теория. Чтобы получить теорию, нам необходимо знать, что это за единичные вещи, на которых основываются атомарные факты. И тут логические атомисты вернулись к традиционно-

му для британской философии эмпиризму. Они согласились с тем, что эти единичные вещи – это те объекты, которые непосредственно даются чувственному восприятию. Эти объекты были названы чувственными данными (*sense data*), и именно они, как полагали логические атомисты, обладают свойствами и вступают в отношения, в результате чего образуются атомарные факты (как монадические, так и реляционные), лежащие в основании онтологии. В итоге получается теория, по сути напоминающая традиционный британский эмпиризм, но облеченная в новую логическую форму из «*Principia Mathematica*».

Но в этой теории логических атомистов были некоторые серьезные проблемы. Среди них были и те, которые связаны с так называемым тезисом экстенциональности, то есть, вкратце, с утверждением того, что каждая пропозиция является либо атомарной, либо истинностно-функциональной комбинацией атомарных пропозиций. Дело в том, что было выявлено слишком большое число контрпримеров, не вписывающихся в эту гипотезу, различных сложных пропозиций, которые не являются истинностными функциями от составляющих их пропозиций. К ним относятся пропозиции, включающие в себя либо пропозициональную установку (т. е. отношение человека к некоей пропозиции, подобное вере), либо модальные понятия необходимости и возможности, либо контрфактические условия.

Пропозиции, приписывающие человеку веру во что-либо, обычно имеют такую форму:

S верит, что *p*;

но, несмотря на то, что такие пропозиции являются комбинациями пропозиций, они не являются истинностно-функциональными комбинациями, ведь истинностное значение пропозиции не определяется тем, верит ли человек в ее истинность.

Модальные пропозиции включают в себя приписывание пропозициям необходимой истинности/ложности или возможной истинности/ложности. Они имеют следующую форму:

Необходимо, что p

или

Возможно, что p.

Но, опять же, пропозиции, имеющие одну из таких форм, не являются истинностно-функциональными комбинациями составляющих их пропозиций. Некоторые истинные пропозиции являются необходимо истинными, а некоторые – контингентными; что же касается возможности, то наряду с истинными возможными пропозициями есть и ложные, которые тоже возможны.

Наконец, контрфактические условия имеют вид:

Если бы имело место p, то имело бы место q.

Предъявляя контрфактическое условие, мы указываем на некое положение дел, которого нет, и пытаемся понять, каким бы был мир, если бы это положение дел все-таки имело место. Контрфактические условия также не являются истинностно-функциональными комбинациями. Все истинностно-функциональные условия с ложным антецедентом являются истинными, но очевидно, что некоторые контрфактические условия на деле являются ложными.

Итак, проблемы, возникшие перед логическими атомистами, были связаны с пропозициями, имеющими не экстенциональное, а, назовем это так, интенциональное содержание. Еще один комплекс проблем вытекал из эмпиристского тезиса о том, что всякое осмысленное и информативное утверждение является кратким описанием чувственных данных. И здесь также возникло множество различных контрпримеров. Некоторые из них включали в себя экзотические с точки зрения метафизики объекты, такие как «типичный англичанин» или «китайский народ»; но некоторые опирались на вполне обыденные повседневные высказывания о привычных вещах и людях.

Эти два комплекса проблем поначалу рассматривались как незначительные и требующие лишь уточнения, что, возможно, правомерно для проблемы экстенциональности. Но второй комплекс проблем в конце концов стал серьезным затруднением для логического атомизма. Первым, кто обнаружил, что трудности не ограничиваются горсткой разрозненных контрпримеров, стал сам Витгенштейн. Дело даже не в том, что мы не можем свести разговор о столах, стульях, кошках, собаках и людях к простому описанию чувственных данных. По мнению Витгенштейна, эмпиристские рамки, наложенные логическими атомистами – Расселом и им самим, – привели к дискредитации их же собственных метафизических заявлений о природе языка, о мире и о взаимосвязи языка с миром. И действительно, ни заявление о том, что мир – это просто один сложный факт, ни о том, что каждая пропозиция является либо атомарной, либо истинностно-функциональной комбинацией атомарных пропозиций, вовсе не представляют собой описаний чувственных данных. В конце концов, Витгенштейну хватило смелости признать, что все подобные заявления являются буквально бессмысленными. Что же тогда остается от всех усилий, предпринятых ранее Расселом и Витгенштейном? Сам Витгенштейн ответил так: несмотря на то, что те метафизические заявления, которые пытались сделать логические атомисты, не могут быть выражены в осмысленных формулировках, они, тем не менее, могут быть продемонстрированы в форме употребляемого нами языка. Другими словами, то, что хотели сказать логические атомисты, не может быть высказано, но может быть показано.

II

Введенное Витгенштейном различие между высказыванием и показыванием кажется обескураживающим и даже в чем-то мистическим. Неудивительно, что ни его современники, ни последующие поколения философов не восприняли этого разделения всерьез. Тем не менее, они охотно приняли его приговор, вынесенный метафизическим заявлениям атомистов. Критика Витгенштейна стала фундаментом для двух последовавших этапов в истории аналитической философии – тех самых, из-за которых принято считать, что аналитическая философия и метафизика несовместимы. Первый из них охватывает период 1930–40-х гг. и включает в себя логических позитивистов Венского кружка, таких как Карнап, Шлик, Гемпель и Хан. Второй длится с конца 1940-х до начала 1960-х и представлен так называемыми философами обыденного языка, такими как Райл, Остин и, что наиболее важно, сам Витгенштейн.

Позитивисты увидели в критике Витгенштейна основу для универсального аргумента о том, что любые метафизические заявления являются когнитивно бессмысленными. Центром их философской программы стала вы-

работка такого универсального критерия когнитивной осмысленности, который бы соответствовал нашей повседневной языковой практике, но при этом указывал на бессмысленность метафизических высказываний. Их первым результатом стал критерий, который впоследствии получил название принципа верификации. Согласно этому принципу, высказывание S является осмысленным, если и только если S может быть достоверно верифицировано чувственным опытом.

Согласно этому критерию, не только метафизика, но почти все, что когда-либо высказывали философы, является когнитивно бессмысленным. Чем же тогда должны заниматься настоящие философы? Для позитивистов единственной великой парадигмой человеческого познания является естественная наука, поэтому, с их точки зрения, перед философами стоит единственная задача: раскрыть структуру языка науки. Философы должны предоставить нам карту логики научных теорий. Это все, чем они должны заниматься. Любые отклонения от этой задачи приведут к пустой болтовне, бессмысленному бормотанию.

Весьма радикальный подход! Неудивительно, что в нем обнаружили свои проблемы. Главная проблема заключалась в выработке эмпиристского критерия осмысленности. Позитивистам так и не удалось сформулировать такой критерий, который бы успешно справлялся с обеими вышеназванными задачами – отдать должное повседневному языку и отбраковать метафизику. Принцип верификации справлялся с метафизикой, но он не подходил для обыденной речи. Его следствием было то, что любые универсальные пропозиции оказывались бессмысленными, так как ни одна пропозиция вида «любое A есть B » не может быть достоверно верифицирована.

А что если выразить эмпиристскую теорию значения при помощи фальсификации? При таком подходе (согласно так называемому принципу фальсификации) высказывание S является осмысленным в том случае, если S может быть достоверно фальсифицировано чувственным опытом. И вновь у нас получился принцип, который хорошо подходит для отбраковки метафизики, но им также отбраковываются и те утверждения, от которых мы не хотим избавляться, а именно экзистенциальные пропозиции. В самом деле, ни одна пропозиция вида «Некоторые A суть B » не может быть достоверно фальсифицирована.

Позитивисты не могли также сформулировать свой эмпиристский критерий на основе подтверждаемости или неподтверждаемости. Они полагали, что в этом случае получился бы слишком широкий критерий, допускающий то, что им не хотелось допускать. По-видимому, они опасались, что любители метафизики станут настаивать на том, что их заявления каким-то образом подтверждаются нашим жизненным опытом.

Но проблемы с эмпиристским критерием не исчерпывались контрпримерами. Как уже было сказано, эмпиристские рассуждения упирались в проблему рефлексивности. Трудность в том, что если мы пытаемся сформулировать эмпиристский критерий таким образом, чтобы отбрасывать с его помощью всякую метафизику, то мы рискуем получить принцип, который сам не пройдет проверку на когнитивную осмысленность. Так, например, вряд ли можно представить себе, каким образом принцип верификации может выступать в качестве достоверно верифицируемого заявления. Но в таком случае принцип, с помощью которого мы должны отличать осмысленное от бессмысленного, сам оказывается бессмысленным – заведомо неудовлетворительный результат с точки зрения любых стандартов философской адекватности!

III

В то время как все позитивисты были единогласны в том, что метафизические заявления бессмысленны, те философы, которые принадлежали к традиции обыденного языка, выказывали разную степень сомнений в метафизике. Среди них самую крайнюю точку зрения занимал поздний Витгенштейн. Как и Витгенштейн «Трактата», Витгенштейн «Философских исследований» настаивал на том, что метафизические заявления бессмысленны. Однако поздний Витгенштейн уже не признавал разницы между высказыванием и показыванием. Он призывал отвергнуть буквально все заявления метафизиков. По его мнению, любая метафизика (включая метафизику «Трактата») – это лишь «карточный домик». Он был убежден в том, что необходимо принять дофилософскую картину мира в том виде, в каком она выражена в тех языковых играх, которые мы практикуем. Метафизика же рождается там, где «язык отдыхает». Философам свойственно истолковывать наш язык так, как если бы в нем содержалась некая трансцендентная структура, которой в нем на самом деле нет. Эта страсть философов – признак болезни, интеллектуальной болезни. Поэтому всем метафизикам требуется не новое учение и не новые спекулятивные аргументы, но исцеление, философская терапия, которая заключается в тщательном изучении тех языковых игр, в которые мы на самом деле играем, и тех форм жизни, в которых воплощаются эти языковые игры.

Чуть менее враждебной к метафизике была позиция Гилберта Райла. Он тоже соглашался с тем, что метафизика является следствием нашего недопонимания того языка, которым мы ежедневно пользуемся для общения друг с другом. С точки зрения Райла, метафизика связана с категориальной ошибкой – когда мы применяем к одной конкретной области набор концепций из совершенно другой области. В результате получается полная концептуальная путаница.

Третье направление в философии обыденного языка обозначено в работах Дж.Л. Остина. Он был менее враждебен к метафизике. Он считал, что скрупулезный анализ повседневных разговоров снабдит философа теми концепциями и дистинкциями, которые помогут решить традиционные проблемы философии. Итак, теоретически метафизика вполне допустима, но на деле ни Остин, ни его последователи почти ничего не сделали в этой области. Обычно их усилия были направлены на детальнейший анализ какой-либо конкретной области рассуждений. В результате нам достались кропотливые разборы выражений обыденного языка, используемых для извинений, видов притворства или ошибок восприятия. Главные метафизические проблемы так и остались в стороне.

Таким образом, несмотря на то, что далеко не все философы обыденного языка были враждебны к метафизическому теоретизированию, метафизика в этот период никак не развивалась. С этой точки зрения философия обыденного языка созвучна предшествовавшему ей позитивизму тридцатых и сороковых годов. Но существенная разница между этими двумя направлениями находится в области их отношения к науке. В то время как позитивисты рассматривали науку (а особенно физику) как парадигму всего человеческого знания, философы обыденного языка расценивали науку лишь как одну из областей знания и культуры, причем вовсе не привилегированную область, и охотно брали на вооружение готовые концепции, используемые в других областях человеческого опыта. Еще одно отличие заключалось в том, что позитивисты применяли редукционистский подход к анализу понятий, представляющих философскую

проблему, сводя их к тем терминам, которые применяются в естественных науках, тогда как философы обыденного языка избегали редукционизма и настаивали на том, что соответствующие понятия обладают концептуальной автономией, которая может быть утрачена при попытке подменить их естественнонаучными концепциями. Позитивисты разрабатывали компатибилистское описание человеческой деятельности, согласно которому наши действия могут быть одновременно и свободными, и детерминированными предыдущими событиями. В отличие от них, философы обыденного языка стремились не применять каузальные модели естественных наук для описания человеческих действий и их рациональных оснований. Они часто говорили, что рациональные основания действия – это не причина самого действия; основания и действия связаны лишь логически, но не эмпирически.

IV

Итак, перед нами две традиции, не приветствовавшие метафизические изыскания: позитивизм 1930–40-х годов, который провозгласил науку парадигмой всякого знания, и философия обыденного языка 1940–60-х, которая признавала повседневную картину мира в том виде, в каком она выражена в обыденном языке. Несмотря на то, что обе традиции были решительно настроены против метафизики, из них вышли философские течения, которые были в полном смысле метафизическими и осознавали себя именно таковыми. Из позитивизма возник философский натурализм таких мыслителей, как У.В.О. Куайн, а из традиции обыденного языка – нередукционистская метафизика таких философов, как П.Ф. Стросон.

Подобно своим предшественникам-позитивистам, Куайн расценивал науку, особенно физику, как вершину человеческого знания, но, в отличие от позитивистов, он отказывался признавать жесткое различие между наукой и философией. По его мнению, наука и философия являются продолжением друг друга, поэтому нет никаких причин недолюбливать метафизику. Если все делать правильно, то метафизика будет вполне уважаемой дисциплиной, а философам-метафизикам следует заниматься прояснением онтологических оснований тех верований, которых мы намерены придерживаться. Главными верованиями, согласно Куайну, являются те, которые берутся из наших наилучших научных теорий, те, которые очерчены современной физикой. Куайн считал, что эти теории снабдили нас жестким метафизическим скелетом, в состав которого входят, во-первых, редукционистский подход к пропозициональным установкам; во-вторых, онтология четырех измерений, включающая теорию темпоральных частей и протяженности во времени; в-третьих, номинализм, отвергающий такие платоновские сущности, как свойства или пропозиции; и, в-четвертых, строгий экстенционализм, не поддерживающий никаких модальностей вроде необходимости или возможности и, следовательно, отрицающий различие между признаками, присущими обычным объектам, и теми, что лишь случайны для них.

Стросон был выходцем из традиции обыденного языка. И хотя он требовал обращать пристальное внимание на то, как наши концепции находят разное выражение в разных областях языка, он также настаивал, что нам необходимо выйти за рамки анализа обыденного языка и обратиться к общим концептуальным схемам. Согласно Стросону, данное мероприятие и есть занятие метафизикой. Стросон выделял два стиля метафизики: дескриптивная метафи-

зика, задача которой состоит в описании используемой нами концептуальной схемы, и метафизика ревизирующая, задача которой – предлагать другие, новые концептуальные схемы. И хотя Стросон в качестве примера «ревизирующего метафизика» называет Спинозу, я уверен, что он отнес бы к ревизионистам и самого Куайна. Он бы сказал, что Куайна не устраивает та концептуальная схема, которой мы пользуемся, и что он стремится заменить ее какой-то другой. Себя Стросон относит к дескриптивным метафизикам, поэтому неудивительно, что он не является сторонником редукционистского подхода. Он настаивает на нередуцируемости категории личности к сущности, которой мы приписываем как ментальные или психологические свойства, так и материальные или физические свойства. Он согласен с характерной для платоников дистинкцией между универсалиями и отдельными вещами. Он отвергает четырехмерную модель в пользу презентистской концепции времени. Его не смущают модальности. Наконец, он признает аристотелевскую трактовку единичных вещей как сущностей, которые остаются теми же самыми во времени.

Как уже говорилось, Стросон, будучи выходцем из британской традиции обыденного языка, не является редукционистом. Примерно в одно время со Стросоном по другую сторону Атлантики появляется еще один философ, исповедующий нередукционистский подход к метафизике, – Родерик Чизолм. В отличие от Куайна, Чизолм, как и Стросон, охотно принимает понятия свойства и пропозиции, а также пропозициональные установки и модальности как исходные, базовые. Чизолм не считает эти понятия проблематичными. Более того, он убежден, что именно они могут стать отправной точкой для решения традиционных проблем метафизики. Несмотря на согласие со Стросоном в данном вопросе, Чизолм в своем философствовании имеет мало общего с традицией обыденного языка. Напротив, он нередко критикует тех, кто сосредотачивает свое внимание лишь на нашей повседневной речи. Несмотря на всю значимость Стросона как философа, призывавшего к серьезному отношению к метафизике, именно Чизолм стал наиболее влиятельной фигурой возрождения метафизики во второй половине XX и начале XXI в. Стросоновская версия нередукционистской метафизики оставалась популярной в Великобритании, но начиная с 1970-х гг. центр всей аналитической философии и, в частности, аналитической метафизики перемещается в Соединенные Штаты. Именно там и обостряется противостояние двух стилей в метафизике: подход Куайна с его натурализмом, редукционизмом и четырьмя измерениями и нередукционистский подход Чизолма.

Одной из наиболее показательных проблем, где разошлись два указанных направления метафизики, было их отношение к модальности. Как уже говорилось, понятия необходимости и возможности выходят за рамки экстенционального контекста и ведут к интенциональному. Но, как мы видели, система, созданная Расселом и Уайтхедом в «*Principia Mathematica*», является полностью экстенциональной логикой. Следовательно, эта система непригодна для выяснения дедуктивных связей между модальными пропозициями. Но дело в том, что даже после упадка логического атомизма логика «*Principia Mathematica*» все равно продолжала оставаться наиболее распространенной парадигмой теоретических умозаключений. Многие философы полагали, что до тех пор, пока мы не сможем предоставить исчерпывающего систематического описания того, как дедуктивно связаны между собой модальные пропозиции, мы не имеем права заявлять, что понимаем смысл модальности. Даже несмотря на то, что еще Аристотель и многие мыслители после него разрабатывали модальную логику, которая описывает отношения выводимо-

сти между пропозициями, включающими понятия необходимости и возможности, их достижения в силу ряда причин все равно воспринимались с некоторой настороженностью, что приводило к неприятию идеи модальности в целом. Неудивительно, что философы вроде Куайна воспользовались этой всеобщей настороженностью для того, чтобы полностью упразднить применение модальных понятий в философии.

Однако в 1960-е годы разработчики модальной логики обнаружили, что если взять на вооружение идею Лейбница о возможных мирах, то это сразу же позволит модальной логике обрести твердое основание. Суть их идеи состояла в том, что наш мир – актуальный мир – это лишь один из множества возможных миров и что эти возможные миры могут стать основой для обсуждения модальности. Таким образом, необходимо истинная пропозиция – это та, которая истинна во всех возможных мирах, а пропозиция, которая возможно истинна, – это та, которая истинна в одном из возможных миров. Итак, модальности (*de dicto*) выступают в роли неких кванторов возможных миров.

Этот подход показался весьма привлекательным для метафизиков. С одной стороны, идея Лейбница предоставила философам содержательную основу для модальных пропозиций, что позволило противостоять куайновским заявлениям об ущербности модальных рассуждений. С другой стороны, обращение к идее возможных миров помогло увидеть четкую структуру модальных построений, и это стало серьезным шагом вперед по сравнению с предшествовавшими представлениями о модальных высказываниях как о не подлежащих анализу исходных элементах. Более того, метафизики обнаружили, что использование лейбницевого подхода дает возможность добиться серьезных успехов в прояснении таких труднодоступных понятий, как различие между сущностью и акциденцией, контрфактичность, концепция причинности, понятие закономерности и концепция семантического значения. В то же время метафизики заявляли, что в схеме возможных миров нет ничего противоестественного и что обращение к данной схеме вполне интуитивно понятно. В результате начиная с конца 1960-х концепция возможных миров становится центральной идеей аналитической метафизики.

Но здесь возник важный вопрос: как нам понимать наше обращение за помощью к лейбницевак идее возможных миров для разъяснения трудных понятий? При ответе на этот вопрос как нельзя отчетливее проявляется разница между двумя подходами к метафизике – редукционистским и не редукционистским, – и эта разница остается принципиальным водоразделом и по сей день. Некоторые философы брали на вооружение схему возможных миров ради дополнительной территории для строго редукционистского анализа вышеупомянутых затруднительных понятий. Они заявляли, что идею возможных миров следует интерпретировать в немодальных, неинтенциональных и откровенно номиналистских терминах. Соответственно, эта схема может быть использована для редукционистского описания модальности *de dicto*, разницы между сущностью и акциденцией, концепций причинности и закономерности, а также платонически окрашенных понятий, таких как свойство и пропозиция. Самым ярким и влиятельным поборником такого подхода к возможным мирам является, конечно же, Дэвид Льюис, который унаследовал Куайновскую традицию в метафизике. Для Льюиса возможные миры – это полноценные конкретные объекты, каждый из которых, взятый в отдельности, вполне соответствует жестким требованиям сурового куайновского номинализма. Идея Льюиса заключается в том, что, умножая куайнов-

ские миры, мы получаем доступ к новым территориям, где можно заняться тем редукционистским анализом модальных и интенциональных феноменов, к которому у Куайна просто не было доступа.

Противниками данного подхода являются такие философы, как Сол Крипке и Алвин Плантинга. Они также принимают схему возможных миров, но утверждают, что ее нельзя интерпретировать в немодальных, неинтенциональных номиналистских терминах. По их мнению, эту схему можно понимать лишь с точки зрения априорной заданности понятий модальности *de dicto*, сущности и акциденций, контрфактичности, а также свойств, пропозиций и положения дел, интерпретируемых в платоническом духе. С их точки зрения, все эти понятия (вместе с самим понятием возможного мира) совместно составляют взаимосвязанную систему, и чтобы понять любой отдельно взятый элемент этой системы, его не следует редуцировать к чему-то внешнему, но, напротив, нужно показать его связи со всеми остальными элементами этой нередуцируемой модальной и интенциональной схемы.

Схема возможных миров, понимаемая как с редукционистской, так и с нередукционистской точек зрения, за последние тридцать-сорок лет прочно заняла центральное место в метафизических теориях. В течение этого периода философы обращались к самым разным традиционным проблемам метафизики, но все это делалось на арене возможных миров. Следствием этого стало наступление «золотого века» метафизики в аналитической традиции, и та дисциплина, к которой, как я говорил вначале, еще полвека назад относились с подозрением и даже с враждебностью, теперь занимает чуть ли не главное место во всей аналитической философии.

Перевод с английского Павла Бутакова
(с.н.с., Институт философии и права СО РАН,
e-mail: pavelbutakov@academ.org)

Metaphysics in the analytic tradition

Michael J. Loux

George N. Shuster Professor of Philosophy. Department of Philosophy, University of Notre Dame. 100 Malloy Hall, Notre Dame, IN 46556, U.S.A; e-mail: philosjournal@iph.ras.ru

The present paper provides an outline of the history of analytic tradition in philosophy from the point of view of its relation to metaphysical problems. First, the birth of the tradition is shown to be a reaction against the metaphysical style of the British philosophy of Absolute Idealism. Even during this early period of analytic philosophy, however, i.e. the logical atomism and positivism which can be characterized as hostile towards any metaphysics, there were certain internal theoretical problems that could not have been resolved without a resort to metaphysics. The next period in the analytic philosophy became known as the ordinary language tradition, and it was more open towards metaphysics, though not yet particularly interested in it. This tradition was superseded by the metaphysical naturalism of Willard Van Orman Quine and the descriptive metaphysics of Peter Frederick Strawson. The full blossom of analytic metaphysics, as well as the shift of its center from Europe to America, occurred under the influence of Roderick Chisholm. Since then the main debate in analytic philosophy has been centred around the opposition of the reductive and non-reductive approaches to metaphysics. Finally, due to the successful introduction and application of the Leibnizian framework of possible worlds, analytic philosophy entered its golden era for metaphysics.

Keywords: analytic philosophy, metaphysics, logical atomism, ordinary language philosophy, reductionism, possible worlds